Мне снилась (ну, наверное) река чёрной, булькающей крови, в которой были десятки, сотни, тысячи тел каких-то псевдо-китайских воинов. Багровое небо, покрывавшее весь небосвод, немного резало глаза, иногда словно отовсюду раздавались какие-то крики, наполненные болью и отчаянием. В носу был до пугающего сильный запах крови, и лишь благодаря тому, что я чисто рефлекторно вышел в состояние внетелесности, меня не вырвало. Ну, либо то, что не совсем в реальном мире, а, скорее, у себя в голове, позволяло мне игнорировать, кхе-кхе, жалкие подробности. Тут уже с какой стороны взглянуть. Глаза, впрочем, слезились. Надеюсь, не кровью.

Мой взгляд непроизвольно опустился вниз, и вновь лишь благодаря состоянию внетелесности я смог оставаться спокойным.

Честно говоря, за двадцать три года своей жизни я впервые чувствую, толком и не чувствуя, настолько специфический спектр эмоций.

— Тяжелый денёк? — плюхнулся в эту чёрную дрянь, даже не задумываясь о том, почему она меня не поглощает, или тому, почему я вновь в своей старой… м-м-м, оболочке. Телом я умудрялся управлять через всё то же самое состояние внетелесности — очень странная, но полезная способность, на самом деле. — Поверь, не у одного тебя…

Может, в своём сне я что-то вроде боженьки? Интересно, могу ли я превратить эту реку крови в вино, а тела воинов — в девственниц? Живых и в здравом уме, желательно.

…но всё равно уже как-то по-демонически звучит, если честно…

— Ыа-а-а!

Предположительно, мужчина средних лет, закованный в тяжелую броню, седой, наполовину поглощённый этой словно на самом деле живой рекой чёрной крови, попытался до меня дотянуться. Его глаза были застелены пеленой безумной боли, страха, гнева и отчаяния. Впервые вижу столько эмоций на лице одного человека. По какой-то причине мне казалось, что вот это вот всё не просто (или, точнее, не только) выверт моего больного, — уж после всех «стрессов» так точно, — сознания, умудрившегося пережи… пересуществовать смерть, а нечто более пугающее и мерзкое.

— Пожалуй, есть вещи и пострашнее невыплаченного кредита, — широко улыбнулся я. Лицо на секунду, вопреки моей новой «фишке», перекосило.

Нереальность вокруг, казалось, на мгновение задрожала.

Всего на миг.

С пугающе безразличным выражением лица и абсолютно иррациональным весельем поднялся, направившись вперёд, минуя трупы… и не только трупы. Я знал, куда мне нужно было идти, и ни на секунду не сомневался, что если я не пройду эту дорогу, то что-то во мне может надломиться. Моё внутреннее «я» (выверты подсознания, что ли?) словно кричало, что злобная пыль в чём-то ошиблась, и это что-то нужно было исправить, иначе в будущем оно мне аукнется не раз и не два.

Боюсь, будь я действительно обычным младенцем, да даже самым простым человеком, который не смог сдержать свои эмоции в этом странном сне, то последствия могли быть откровенно печальными.

Постепенно красное небо начало чернеть. Тел, плавающих в крови, становилось всё меньше, в какой-то момент крики прекратились, и даже запах крови начал постепенно исчезать. Стало заметно прохладнее, что в своём состоянии внетелесности я особо и не чувствовал — лишь, пусть специфическая, информация. Создавалось впечатление, что чем больше я был в виде бесплотного куска сознания, незримо управляющего своим телом, тем лучше и легче у меня это получалось. Словно кукловод, набирающийся практического опыта.

Не помню за собой до аннигиляции тела таких способностей. Я совершенно точно был обычным человеком. Что-то со мной явно произошло (офигеть я догадливый), но что — сомневаюсь, что в ближайшее время узнаю, если вообще узнаю. Наверное, самое страшное здесь то, что в моей личности точно что-то изменилось, но у меня даже толком не получается понять, что именно. Речь идёт не о новой «способности», а о чём-то более глубинном и естественном мне.

Были ли у меня приступы иррационального веселья раньше? А точно ли не было?..

В какой-то момент я начал слышать стук. Сначала тихий, но постепенно усиливающий. Неспешный, ритмичный, в чём-то родной, а в чём-то — абсолютно чуждый. Стук звучал в такт моему собственному сердцу, напрягая синхронностью — словно намекая, что этот стук — часть меня, но при этом часть чуждая.

Мне нужно было это исправить. Экстренно исправить.

— Так вот ты какое, — едва слышно пробормотал, с интересом нихрена не понимающего человека осматривая совсем крошечное, буквально младенческое, чёрное, пугающее сердце.

Сердце создавало такой холод, что моё тело было на грани полного окоченения — оно практически не чувствовалось, обещая предать в любой момент, но состояние внетелесности этот момент каким-то образом умудрялось компенсировать: я словно как-то напрямую отправлял приказы отдельным частям тела, заставляя его двигаться, однако долго так продолжаться не могло.

Стараясь не думать о том, что тела, по идее, в этом месте у меня особо и нет, я, следуя своим инстинктам, вытянул побелевшую руку и ухватился за сердце. На краю сознания поступила информация, что в районе груди меня охватила безумная боль, но я не стал останавливаться и сжал чёрное сердце ещё сильнее.

К искреннему сожалению, этих пафосных выкрутасов было недостаточно. Оно не хотело поддаваться. Под ногами начали ощущаться какие-то нездоровые вибрации, будто…

Я активировал какую-то стрёмную систему защиты.

Так-так-так-так, это плохо… ЭТО ОЧЕНЬ ПЛОХО!

Ух ё-ё-ё…

Кровавое озеро под ногами забурлило, в чёрном небе поднялся вихрь. В уши ударил леденящий душу вой сотен псевдо-китайский воинов. Не сразу понял, что одним из крикунов был и я сам. Даже находясь за пределами своего иллюзорного тела, даже не чувствуя толком проходимых процессов, даже осознавая, что лишь получаю обычную информацию о том, что со мной происходит, мне этого хватило, чтобы в достаточной мере ощутить специфичность происходящего.

Озеро крови под ногами словно ожило, начав течь по моему телу, будто пытаясь меня остановить и подавить — чёрная кровь начала обволакивать меня, и я не мог этому сопротивляться — никак и ничем. Ор, доносившийся из моего рта, кажется, начал в чём-то резонировать с ором местного контингента — для меня они в одночасье стали давними друзьями, с которыми я пережил и переживаю некоторое дерьмо.

Кажется, мои новые друзья думают так же.

В голове, впрочем, билась только одна мысль, единственная надежда выплыть из дерьма, куда я себя собственноручно загнал: чёрное сердце, подарок и проклятье ископаемого.

Давай, поддавайся, давай, давай, давай, давай, давай, дурак, хреново же всем будет…

Когда чёрная кровь уже полностью обволокла моё тело, включая многострадальную голову, и собиралась поглотить руку, в которой моя тушка упёрто (или, скорее, уже механически) продолжала сжимать чёрное сердце, последнее, словно имея подобие инстинктов, осознало, что оставаться в «нейтралитете» больше не может.

В руке раздался отчётливый звук треска, после чего…

Чёрная, всепоглощающая вспышка, затмившая, казалось, всё окружающее иллюзорное пространство, уже окончательно отправила меня в дрёму.

***

На самом деле, бытие жертвой безумной пыли оказалось не сказать, чтобы совсем плохим: меня не пытали, никаких злых ритуалов больше не проводили, да и вообще я чувствовал себе эдаким принцем. Ко мне регулярно в детскую (ну, это там, где убили мать моего нового тела) приходили две черноволосые девушки, не старше двадцати, с перевязанными белой тканью глазами, что совершенно не мешало им ориентироваться в пространстве, и проводили уборку. Меня они считали чем-то вроде предмета мебели, как я понял. Предметом мебели ценным, который нельзя трогать, на который нельзя смотреть, который должен быть на почтительном расстоянии и перед которым нельзя произносить ни единого слова, как и издавать какой хоть сколь-либо громкий звук.

Или вообще звук.

Если честно, процесс их уборки чем-то напоминал танец — движения плавные, синхронные, крайне точные и осторожные. Иногда мне казалось, что пыль (не дедуган, к сожалению) девушки руками умудряются ловить и направлять, не давая попасть ко мне, но будем считать, что они просто махали руками. Боюсь, если бы не моя способность, каждый их приход я бы просто не замечал — ой ли, будучи младенцем-то. Не буду врать, вообще не представляю, каким образом моя черепная коробка обрабатывает столько информации. Будем считать, что это часть моей «особенности» — умудряюсь же как-то думать за пределами тела, в конце-то концов. А там, глядишь, есть ещё какое-то другое вместилище памяти, и это вообще нормально, угу.

Отдельно хочу выделить редкие прогулки: иногда ко мне приходила какая-то совсем пожилая старушенция с блеклыми, явно слепыми глазами, перекладывала в какое-то подобие коляски, больше напоминающее передвижную кровать, и вывозила из комнаты, позволяя подышать свежим воздухом на пустой, закрытой от глаз лишних людей, тренировочной площадке.

Я явно был в каком-то дворце — коридоры были длинные, вокруг стояла атмосфера какой-то… м-м-м, злой торжественности: к моему неудовольствию, встречалось немало красных тонов, по типу словно кровавых дорожек, напоминающих мне ту реку крови, было до обидного пусто и… холодно. Не буквально — меня укутывали будь здоров, простуда не грозила, холод был больше на каком-то духовном уровне — к моему удивлению, чувствовалось это лучше в состоянии, когда все остальные ощущения отходили на второй план.

Как я уже сказал ранее, останавливались мы обычно на какой-то тренировочной площадке, хотя иногда и выходили во дворик. Выходили как утром, так и ночью. Старуха двигалась словно по какому-то алгоритму и, если бы она иногда не задерживала взгляд (опустим то, что она слепая, м-да) на полной, голубой луне, то я бы серьёзно начал задумываться о том, что она какой-то биоробот, не реагирующая на какие-либо раздражители. Нет, конечно, когда я показательно начинал плакать, она меня брала на руки и пыталась успокоить, но…

В её движениях была всё та же механичность. Никаких чувств. Словно какая-то установка, которой нужно следовать.

Остаётся вопрос того, кто меня кормил, да? Не энергией же солнца питался, право слово. Первые недели две ко мне приходили какие-то женщины средних лет, естественно, все с перевязанными глазами, однако потом… кхм, кое-что поменялось. Да так поменялось, что всю оставшуюся жизнь поменяло.

Скажем так — первая встреча без эксцессов не обошлась. Тяжело передать степень моего удивления, когда ты себе спокойно лежишь в кроватке, пытаешься разобраться со сверхъестественной энергией внутри себя, и тут тебе в детскую заходит крепкий такой длинноволосый красноволосый мужик в красных, словно кровавых, одеждах (у меня, кажется, появилась лёгкая фобия на этот цвет), с лицом-кирпичом, отчуждёнными, ненормально спокойными красными глазами и большим, длинным мечом, подходит к тебе вплотную, всматривается словно в саму душу, а потом неожиданно начинает снимать этот свой халат. Или это… как его… А, точно, ханьфу! Или нечто похожее на него.

Честно говоря, меня тогда захлестнула такая паника, какую я и не испытывал во время налаживания отношений с чёрным сердцем — меня охватил настоящий, первобытный ужас, о чём я сразу заявил, заплакав что есть сил, надеясь на то, что меня спасут. Выход в состояние внетелесности (не всегда же в нём находиться, да и видеть всё стал уже намного лучше) помог успокоиться, но останавливаться реветь я не собирался ни при каких обстоятельствах! Всё зашло настолько далеко, что даже появились серьёзные намерения попробовать детонировать свой генератор сверхъестественной энергии, попытавшись забрать больно красную гниду с собой.

Мой плач, полный ужаса, немного поубавил пыл мужика, наполовину снявшего свои одеяния, заставив со всё тем же холодным, отчуждённым взглядом уставиться прямиком в мои заплаканные глазки. Дальше же моё представление о мире самым натуральным образом уничтожили: крупный мужик, наклонив голову, схватился рукой за кожу на лице, после чего начал стягивать её. Я будто стал жертвой фильмов ужасов, увидев, как кто-то стягивает с себя заживо кожу, продолжая при этом пялиться прямо на тебя!

Под грубой кожей оказалась ещё одна, но уже намного более нежная и… женственная. Мысленно открыв рот, отказываясь верить в существование подобного уровня грима, я увидел перед собой вполне симпатичную, даже красивую, красноволосую женщину. Не самую, скажем так, хрупкую, но разница была до того фантастичной, что я на это и не обращал внимание.

Женщина прикоснулась к своему горлу, начав что-то делать, после чего прокашлялась. Я попытался сделать вид, что не заметил во время этого кашля изменения тональности — из низкого, грубого, мужского, во вполне себе высокий, женский.

Страшная тётенька с ещё более страшными фетишами достала меня из кроватки и начала качать на руках, видимо, попытавшись успокоить, ещё и запев что-то. Я не понимал ни слова, но голос у неё был приятный, в чём-то нежный и расслабляющий. Если бы не выражение лица, отчаянно просившее кирпича, то было бы совсем хорошо.

Уже перестав испытывать первобытный ужас и осознавая, что худшего избежать удалось, выключил биологическую тревогу, ожидая развития событий. Женщина ещё какое-то время что-то напевала, пока не удостоверилась, что больше я плакать не собираюсь, и положила обратно в кроватку. С неизменно холодным, отчуждённым лицом окончательно сбросила с себя верх, потратив, на самом-то деле, немало времени на то, чтобы снять бинты со своей груди — они, пожалуй, излишне плотно её обволакивали. Понятно, что зачем-то скрывала свой пол, но всё равно полезного мало.

К тому моменту я уже понял, что она собирается делать, поэтому больше как-либо не сопротивлялся. Суровая кормилица, блин…

Во время процесса взгляд красноволосой женщины был сосредоточен на моём лице, что, если честно, немного напрягало. После кормёжки красноволосая ещё какое-то время на меня смотрела, словно пытаясь что-то разглядеть, но вскоре сдалась и вернула в кроватку, замаскировалась под мужика и молча вышла.

В таком формате и проходили мои дни: ко мне регулярно приходили уборщицы, меня регулярно кормили (к счастью или сожалению, кормилица больше не менялась), вывозили на прогулку, иногда (всё та же старушка) мыли, но на том и всё. Ах да. Иногда приходила злая пыль и что-то проверяла — раз в неделю-две. Постепенно злой дедуган приходил всё реже, пока совсем не перестал, видимо, удостоверившись, что помирать я не собираюсь и всё «идёт как надо».

Наверное, самое тёплое отношение ко мне проявляла дама со странными наклонностями, с каждым днём относясь к моей персоне всё мягче и как-то… домашнее — стало даже казаться, что она меня начала считать собственным сыном: во время кормёжки всё чаще напевала самые разные песни, рассказывала что-то, находила время, чтобы поиграть — руками пускала энергетических зайчиков, натурально левитировала меня по детской и по мелочи — вон, меч свой показывала, один раз пополам разрубила им пролетавшую мимо муху, на что я реагировал восторженным смехом, что определённо нравилось красноволосой. Как она мне принесла неожиданное чудо, так и я ей приносил, пусть и больше непроизвольно.

Но поворотным моментом, всё же, были не эти мелочи. Они тоже важны, но выступают скорее кирпичами будущего дома, а не им самим.

В какой-то момент, спустя где-то месяца три, если не все четыре, красноволосая протянула палец к моим ладошкам и начала чего-то ждать. Ждала упёрто, и по её лицу я видел, что от меня какие-то действия просто жизненно необходимы.

Я, не особо понимая, чего она хочет, рефлекторно ухватился своей ладошкой за её палец, наверное, вообще впервые увидев на её лице искреннюю, широкую улыбку. Эм, кажется, немного безумную, но от этого не менее печальную. Как же ярко здесь местные умеют проявлять эмоции, никак не могу привыкнуть. Особенно оно контрастировало с её лицом-

кирпичом.

— Вы ****** молодец, ******* ******, — чмокнула меня в лоб женщина. На секунду ставший тёплый, по-настоящему материнский взгляд, вновь стал холодным и отчуждённым. — ******** наследник, ********* глава…

Язык я учил аномально быстро. В моих перекошенных пространством-временем энергетических и не совсем мозгах явно происходило что-то безумно странное, потому что запоминал и понимал всё я как бы не на порядок лучше и легче, чем это было до смерти. Осознание смысла звука, доносившегося изо рта моей кормилицы, приходило, конечно, не мгновенно, но было достаточно всего пары повторений, чтобы примерно понять, что имела в виду женщина. Это пугало, если честно. Я не мог объяснить, как и почему это работало, что мне подсознательно ломало картину мира, всё больше и больше отдаляя от реальности. Право слово, пытался найти какое-то разумное объяснение, однако, как бы не старался, какие бы безумные и стрёмные теории не строил, просто не мог.

Ну, к счастью, сравнительно легко забил, начав пользоваться своими возможностями на полную.

Не буду врать, я уже и не верил, что что-то в моей повседневной жизни поменяется: слишком привык. Привык наблюдать за энергией внутри себя, привык к тому, что не знаю собственного имени, привык к своим новым энергетическим мозгам, привык к красноволосой, привык к мастерицам-уборщицам, привык даже к старухе. Уже начал верить, что так будет всегда. Видимо, у этого поехавшего и крайне странного мира было другое мнение, потому что в один день меня самым наглым образом похитили, и не абы кто, а добрые ребята! Да ещё и не без помощи той, кто должен был следить за тем, чтобы ничего не произошло!

Наверное, тогда у меня и возникли первые сомнения в адекватности окружающей реальности, а вместе с сомнениями уверенность в том, что здесь творится какая-то…

Ядрёная дичь.

http://tl.rulate.ru/book/74324/2063122